

СДАЧА С АПОКАЛИПСИСА

КОГДА РЕАЛЬНОСТЬ ДАЕТ СДАЧУ

ВЕРА ВОНГ

Вера Вонг

Сдача с Апокалипсиса

«Автор»

2026

Вонг В.

Сдача с Апокалипсиса / В. Вонг — «Автор», 2026

Регина Вильданова думала, что Ад — это бесконечная очередь в супермаркете перед праздниками, покупатели, забывшие пин-код, и розовая вода из крана. Она ошибалась. Настоящий Ад начинается, когда ты понимаешь, что мир вокруг — просто плохо прорисованная декорация, твой муж-покойник пишет тебе записки египетским папирусом, а единственный способ не сойти с ума — писать чернильным пером команды отмены реальности. Теперь Регина — Госпожа Теней, владелица боевого фиолетового кристалла и единственная надежда семерых аномальных людей со всей планеты. Им предстоит закрыть портал в Гизе, убить дракона, притворявшегося милым ангелом, и случайно превратить целый район Каира в коллекцию садовых гномов. Но самая страшная битва ждет её дома, в Бибирево. Как объяснить теням, что пылесосить нужно раз в неделю? И главное — как сварить обычные яйца, когда твои глаза видят кипение воды как распад атомов?

© Вонг В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. День сурка	5
Глава 2. Первые странности	12
Глава 3. Тени за спиной	19
Глава 4. Раздумья и угрозы	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Сдача с Апокалипсиса

Глава 1. День сурка

Пятница пахла в Москве одинаково уже пятнадцать лет. Не дождем, не выхлопными газами Третьего транспортного кольца и даже не шаурмой из ларька на углу — всё это было лишь фоном, дешевым парфюмом мегаполиса. Настоящий запах пятницы для Регины Вильдановой был запахом остывающего растворимого кофе «Жокей» и талька от резиновых перчаток кассира супермаркета эконом-класса.

Регина стояла за кассой номер четыре, механически проводя сканером по штрихкодам: пакет гречки (акция), батон белого (вчерашний, скидка тридцать процентов), пачка маргарина. Пластиковый корпус сканера нагрелся до температуры тела. Бип. Следующий клиент. Лицо без лица, глаза, смотрящие в экран смартфона.

— Пакет нужен? — спросила Регина в восемь тысяч четыреста двадцать первый раз за этот месяц. Мужчина вздрогнул, словно забыл о существовании материального мира, кивнул, приложил карту к терминалу. Пик. Сдачи ноль. Он ушел, оставив после себя слабый аромат дорогого одеколона, который казался здесь оскорблением.

Регина посмотрела на свои руки. Кожа на костяшках пальцев стала пергаментной еще лет пять назад, хотя ей всего сорок семь. Или уже сорок восемь? Она поймала свое отражение в темном экране выключенного монитора соседней кассы. Усталые глаза цвета жженой умбры, морщинки-лучики у внешних уголков, которые когда-то называли смешливыми, а теперь они просто были сеткой трещин на высохшей глине. Седая прядь у левого виска, которую она перестала окрашивать три года назад — какая разница, если краска смывается потом через неделю, а волосы все равно растут пепельными?

Ее жизнь была идеальным метрономом. Тиканье этого механизма началось в Ташкенте, в промозглом феврале 1977 года, когда повитуха приняла ее, синюю и орущую, прямо на полу старой махаллинской квартиры с облупившимися фресками на потолке. Отец — инженер-гидротехник, мать — библиотекарь. Тихая, интеллигентная семья советской Средней Азии, где книги пахли пылью и солнцем сильнее, чем улицы.

Она поступила на филологический факультет ТашГУ легко, играючи. Узбекский, русский, латынь, старославянский — языки ложились в ее голову, как ровные стопки белья в шкаф. Но слова мертвых поэтов быстро потеряли вкус. Ей хотелось копать глубже, буквально под землю. На третьем курсе филфака она параллельно, почти тайком от родителей, перевелась на исторический. Археология манила ее песками Хорезма, скифскими курганами и загадками исчезнувших цивилизаций. Она спала по четыре часа, глотала пыль в институтских архивах и мечтала найти затерянный город. Почти закончила оба. Ключевое слово — почти. Диплом историка так и остался грудой неразобранных полевых дневников, потому что девяностые годы ударили по семье тяжелым камнем. Работы не было. Будущего не было.

В девяносто восьмом она собрала один старый фибровый чемодан и купила билет в плацкарт до Москвы. Ехала на заработки, мыть полы в подъездах и раскладывать товар на рынках, чтобы выжить. А нашла Захара Вершинина.

Захар был похож на героя плохого советского кино про геологов — широкоплечий, громкий, с вечно обветренным лицом и руками, которые могли согнуть гвоздь. Он увидел ее, продрогшую, пытающуюся продать банку соленых огурцов собственного приготовления у метро «Текстильщики», купил сразу десять банок, накормил горячим беляшом и сказал: «Замерзнешь же, чудо. Поехали ко мне, я тут недалеко, в Бибирево».

Его квартира оказалась полуподвалом, но там было тепло. Через полгода они расписались. Регина думала, что вот оно, спасение. Твердая почва вместо зыбучих песков эмиграции. Она бросила попытки доучиться, устроилась продавцом в продуктовый. Жизнь вошла в колею. Густую, вязкую, как тот самый маргарин, который она пробивает сейчас на кассе.

А потом, ровно пятнадцать лет назад, Захар пропал.

Он работал тогда снабженцем на стройке, мотался по области. Выехал из Мытищ во вторник утром на своей ржавой «Ниве» и исчез. Ни звонка, ни следов аварии на трассе, ни заявления от партнеров по бизнесу. Менты покрутили пальцем у виска: долгов нет, врагов вроде тоже, может, загулял мужик? Поищем для порядку пару недель.

Две недели превратились в месяцы, месяцы — в годы. Родня Захара, живущая где-то под Рязанью, сделала круглые глаза: знать его не знаем, мало ли кого наша фамилия притягивает. Своя родня Регины осталась в Ташкенте, связи оборвались еще в нулевые. Так она осталась одна в той самой квартире в Бибирево, которая со временем приватизировалась, обзавелась пластиковыми окнами и хорошим ремонтом, но внутри осталась склепом.

Никаких близких. Никаких подруг. Коллеги с работы испарялись из ее жизни быстрее, чем выдохшийся углекислый газ из открытой бутылки минералки. О чем говорить с двадцатилетними девчонками-кассирами, обсуждающими новых блогеров? О чем говорить с пятидесятилетними женщинами, чьи разговоры сводились к болезням детей и ценам на дачные теплицы?

Ее день выглядел так: 06:30 — звонит будильник с советским гимном, скачанный на кнопочный телефон. 07:00 — овсянка на воде, чай без сахара. 08:00 — автобус №274, давка, чужие локти в ребрах. 09:00 — 22:00 — супермаркет. Бип-пакет-нужен-бип. 23:00 — пустая квартира. Ужин из того, что удалось вынести из списания (сегодня будет вчерашний творог). 23:30 — телевизор. Старые советские комедии или дешевые детективы, где убийца всегда садовник. 00:00 — сон. Без сновидений.

День сурка. Год сурка. Пятнадцатилетний цикл грызуна, грызущего собственную хвостовую кость.

Иногда, глядя на жирное пятно от супа на старых бумажных обоях в кухне, Регина ловила себя на мысли, что если завтра она просто не выйдет из дома, мир этого не заметит. Кассиршу заменят другой. Автобус поедет полупустым. Супермаркет экономит на фонде оплаты труда. Она была функциональной единицей, призраком, обслуживающим других живых людей.

Именно в такие моменты, обычно на третьей неделе февраля, когда московская серость становилась физически невыносимой, ей начинал сниться песок. Раскаленный, хрустящий на зубах воздух Хорезма. И мысль о побеге оформлялась в конкретный план.

Не в Турцию, не в Таиланд. В деревню. Очень отдаленную. Где-нибудь в Костромской области или под Архангельском, куда ведет разбитый лесовозный зимник, существующий только три месяца в году. Купить развалившуюся избу, поставить печь, выкопать сортир. Стать отшельницей-затворницей.

У нее были сбережения. Небольшие, скопленные отказом от новой обуви и врачей, но их хватило бы на старую избу и год тишины.

План спасения имел прикладную цель. Регина давно поняла, что единственный способ не сойти с ума в этой рутине — создать свою собственную вселенную. Ту самую книгу мечты, которую она вынашивала годами. Рабочее название крутилось в голове: «Археология невозможного». Это должен был быть не роман, а плотный, документальный, пропитанный ужасом и восторгом трактат. О мистике, о тайнах, о непознанном в обычных археологических постройках. Почему Стоунхендж стоит именно там? Кто на самом деле вырезал лица на горе Немрут-Даг? Куда ведут нижние уровни пирамиды Джосера, замурованные бетоном египетского правительствa? Она собирала эти факты годами, записывая их огрызком карандаша на полях чеков из магазина.

Она знала структуру всех глав. Знала, какими источниками подтвердить каждую безумную теорию. Ей не хватало только одного — первобытного, животного страха перед настоящим неизведанным, чтобы книга ожила. Живя в бетонной коробке, бояться можно только повышения цен на ЖКХ.

Сегодняшняя смена тянулась особенно долго. Голова гудела от гула ламп дневного света. Регина отсчитывала минуты до закрытия. Двадцать минут. Десять. Пять.

Она потянулась, чтобы снять табличку «Открыто» с двери, и задела локтем стойку с газетами. Старая районная пресса посыпалась на грязный ковролин. Чертыхнувшись, Регина начала подбирать листы.

И замерла.

На первой полосе газеты «Вестник Бибирево» от сегодняшнего числа, 28 августа 2026 года, красовалась огромная фотография. Мэр города открывал новую станцию метро. На заднем плане виднелась мозаика. Обычная советская мозаика с космонавтами, выложенная синей плиткой.

Но Регина точно помнила эту стену. Еще вчера вечером, когда она возвращалась домой, стена была облицована бежевым керамогранитом. Никакой мозаики там не было последние десять лет. Более того, станция называлась «Лианозово», а в газете черным по белому было написано: «Станция "Алтуфьево-Фестивальная"».

Сердце пропустило удар. Галлюцинация? От переутомления? Она схватила газету дрожащими пальцами. Бумага была настоящей, типографская краска чуть смазалась на сгибах. Дата — сегодняшняя. Тираж — сто тысяч экземпляров.

— Вильданова! — рывкнула администратор зала Зинаида Петровна, женщина-шкаф. — Ты закрываешься или решила тут заночевать? Инвентаризацию никто не отменял!

Регина вздрогнула, сунула газету в карман рабочего халата, заперла кассу и поплелась в подсобку считать коробки с консервированным горошком. Руки делали привычную работу, пересчитывая зеленые банки, а мозг лихорадочно пытался переварить увиденное. Газета. Мозаика. Название. Мелочь. Всего лишь деталь. Может, она сама перепутала? Переутомление.

Закончив с инвентаризацией, она вышла на улицу. Августовская ночь дышала бензиновым жаром. Регина пошла дворами, срезая путь к своему панельному гробу. Фонари мигали, издавая низкочастотный гул.

Возле третьего подъезда сидели местные алкоголики. Один из них, Лёлик, местный сумасшедший, которого подкармливали всем домом, вдруг перестал раскачиваться на скамейке. Он смотрел прямо на Регину. Его глаза в свете луны казались абсолютно черными, без белков.

— Госпожа... — просипел он, и голос его звучал так, будто говорил сквозь толщу воды. — Песок сыпется...

Регина ускорила шаг. Сердце колотилось уже не от усталости, а от липкого, иррационального ужаса. Лёлик никогда не разговаривал связно. Он мычал и просил мелочь.

Она влетела в квартиру, дважды провернула замок и прислонилась спиной к двери. В ушах шумело.

Нужно выпить валерьянки. Нужно спать. Завтра снова на смену. День сурка.

Регина прошла на кухню, щелкнула выключателем. Свет моргнул и загорелся. Она открыла холодильник, достала бутылку кефира. Потянулась за стаканом, висевшим на кронштейне.

Ее пальцы наткнулись на холодный тяжелый металл.

Она медленно опустила взгляд.

Стаканов на кронштейне не было уже лет пять. Она разбила последний во время ссоры с воображаемым Захаром и выбросила осколки. Сейчас на крючке висел старинный медный подстаканник с изображением Спасской башни, инкрустированный тусклым стеклом. Такие были в поездах дальнего следования в ее детстве.

За ее спиной раздался тихий, сухой треск. Словно сломали сухую ветку.

Регина резко обернулась. Никого. Только стол, табуретка, мойка.

Треск повторился, на этот раз ближе. Он шел от окна.

Она подошла к балконной двери, приоткрытой по случаю духоты. На широком пластиковом подоконнике лежало оно.

Чернильное перо. Огромное, вороньего крыла, металлическое, с изящной резьбой на колпачке. Оно светилось изнутри слабым фиолетовым светом. Рядом с ним не было никакой

ручки, никакого держателя. Перо просто парило в миллиметре над пластиком, едва заметно вибрируя.

Регина узнала его мгновенно.

Это было перо Ивана Карловича Штольца, ее любимого преподавателя истории древнего мира в ташкентском институте. Старик умер от сердечного приступа в две тысячи втором году. Перед смертью он подарил ей это перо — семейную реликвию, привезенную его дедом откуда-то из-под Самарканда, сказав: «Пока пишешь этим, Региночка, ты будешь помнить истину, какой бы страшной она ни была». После похорон перо бесследно исчезло из ее общежитской тумбочки. Она искала его неделями, решив, что кто-то украл единственную память о наставнике.

И вот оно здесь. Спустя тринадцать лет. Парит над подоконником в Бибирево.

Рука сама потянулась вперед. Логика кричала, что нужно вызвать скорую, проверить давление, сдать анализ на наркотики в водопроводной воде. Но другая часть Регины, та самая, что хотела уехать в лес писать книгу о мистике, знала: логика закончилась сегодня днем, вместе с несуществующей мозаикой на станции.

Едва ее пальцы коснулись холодного металла, как зрение изменилось. Квартира не изменилась, но она начала видеть слои. Сквозь обои проступила старая газета тридцатых годов. Сквозь линолеум — гнилые доски барака, построенного пленными немцами. А воздух... Воздух наполнился движением.

По углам кухни, цепляясь за ножки стола, поползли тени. Они не отбрасывались предметами, у них не было источника. Они были самодостаточны. Плотные, аспидно-черные, похожие на разлитую нефть. Одна такая тень отделилась от плинтуса и метнулась к ней.

Регина вскрикнула, отшатываясь. Перо в ее руке вспыхнуло ослепительно-белым светом. Тень, уже дотянувшаяся щупальцем до ее колена, зашипела, как сало на сковороде, и втянулась обратно под батарею.

Она тяжело дыша смотрела на перо. Истина. Иван Карлович предупреждал.

Снова треск. Теперь он раздавался от входной двери. Громкий, настойчивый, царапающий звук. Кто-то водил чем-то острым по металлу замка снаружи.

— Открой, Регина, — позвал из-за двери знакомый, родной голос. Хрипловатый баритон Захара. — Я вернулся, милая. Замерз жутко. Пусты погреться.

Регина вжалась в стену. Захар мертв. Или бросил ее. Или сгнил в лесу. Прошло пятнадцать лет.

— Я сменил замки, дорогой, — прошептала она, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Проваливай.

Голос обиженно хмыкнул, и скрежет прекратился. Вместо него послышалось тяжелое, влажное дыхание зверя прямо за дверью.

Регина выставила руку с пером вперед. Свет резал глаза, заставляя слезы течь по щекам. Тени в панике заметались по кухне, сбивая табуретки. Они скользили по стенам вверх, к потолку, пытаясь спрятаться в люстре.

Скрежет возобновился, но теперь он шел сверху. С потолка. Какая-то тяжесть ворочалась на чердаке пятиэтажки, проламывая перекрытия. Посыпалась штукатурка.

Внезапно свет погас. Вся Москва погрузилась в темноту — отключился блуждающий рубильник, обычное дело для окраин.

Кухню освещало только фиолетовое сияние пера.

Из вентиляционного отверстия под потолком вниз головой спустилось существо. Оно напоминало человека, но суставы выгибались в обратную сторону, а кожа напоминала мокрый картон. Существо открыло рот — слишком широкий, полный тонких игл-зубов — и издало звук лопающегося пузыря.

Оно прыгнуло.

Регина не думала. Ее тело, тренированное годами выживания в агрессивной среде мегаполиса, сработало само. Она перехватила перо, как стилет, и вонзила его существу прямо туда, где у человека находится солнечное сплетение.

Раздался оглушительный визг, переходящий в ультразвук. Существо рассыпалось. Не упало трупом, не растаяло — именно рассыпалось горсткой жирной, вонючей черной земли, похожей на золу. Запахло озоном и древним склепом.

Наступила тишина. Такая густая, что звенело в ушах. Регина стояла посреди разгромленной кухни, прижимаясь спиной к холодильнику. В одной руке — перо, все еще пульсирующее успокаивающим теплом. Во второй — ничего. Земля впиталась в линолеум.

Она медленно сползла на пол. Ноги больше не держали.

День сурка закончился. Календарь порвался.

Где-то в глубине квартиры, в зале, старые механические часы-кукушка, стоявшие без завода с двухтысячного года, внезапно дернули гирьками и прохрипели полночь. Раз, два, три... двенадцать раз.

Когда последний «ку-ку» утих, Регина заметила на столе то, чего там раньше не было. Толстая тетрадь в дерматиновой обложке. И рядом с ней — шариковая ручка. Самая обычная, синяя, копеечная.

Она взяла ручку. Пальцы слушались плохо. Открыла первую страницу.

Перед глазами все еще стояли черные капли существа, исчезающие в полу.

«Что это было?» — вывела она каллиграфическим почерком, которому учил ее отец. Буквы получились слишком ровными, готическими.

Как только точка была поставлена, буквы на бумаге начали стремительно бледнеть, пока не исчезли совсем, оставив девственно чистый лист.

Регина усмехнулась. Уголки ее губ дрогнули в подобии улыбки впервые за долгие годы. Адреналин отступал, оставляя место звенящей ясности.

Иван Карлович оказался прав. Перо действительно помогало помнить истину. Но писательство требовало инструментов попроще. Если хочешь оставить след в этом сошедшем с ума мире, нельзя использовать магию. Магия исчезает. Нужны простые человеческие вещи. Шариковая паста. Бумага. И готовность принять тот факт, что твой мертвый муж оставляет тебе послания на песке, а соседи превращаются в нефть.

Она решительно встала, прошла в спальню и вытащила из-под кровати старый туристический рюкзак мужа. Тот самый, с которым он собирался в походы выходного дня. Кожаный, потертый, надежный.

Если реальность дала трещину, сидеть в эпицентре землетрясения глупо. План с деревней отменяется. Кажется, придется ехать туда, где трещины между мирами шире всего.

Она вспомнила статью, прочитанную в каком-то желтом журнале в очереди в поликлинике. Место силы. Геометрический центр аномалий. Египет. Пирамиды.

Регина открыла платяной шкаф. Нужно было собрать всё необходимое для выживания где угодно. Костюм Адама ей не подходил, значит, нужны прочные штаны, ботинки и минимум иллюзий. Суровая правда заключалась в том, что ее монотонная жизнь была лишь анестезией перед операцией. И операция началась сегодня в полночь.

Она посмотрела на кухонный стол. Перо лежало тихо. Но Регине показалось, что в темноте комнаты, среди мечущихся теней, которые теперь боялись высываться из-под плинтуса, прошелестел одобрителный шепот: — Наконец-то... госпожа.

Глава 2. Первые странности

Утро началось не с будильника, а с запаха озона и застарелой пыли, въевшейся в ноздри. Регина Вильданова открыла глаза и уставилась в потолок. Желтоватое пятно от давнего затопления соседями сверху сегодня имело форму кляксы Роршаха — вчера это была просто бесформенная амеба. Она моргнула. Пятно осталось прежним.

Сердце, только-только успокоившееся после ночной вакханалии на кухне, снова пропустило удар. Галлюцинации? Отравление угарным газом? Белочка, которая приходит не к алко-голикам, а к кассирам супермаркетов на фоне хронического недосыпа?

Регина села на кровати. Старые пружины матраса скрипнули фальшивой нотой «ре». Раньше они всегда скрипели «ми». Это было настолько привычно, что она просыпалась именно от этого звука, как собака Павлова. А сейчас звук был другим. Чужим.

Она встала и прошлепала босыми ногами на кухню. Нужно было заземлиться. Чайник, вода, электричество — физика низких уровней обычно самая стабильная.

На кухонном столе царил порядок, который она не наводила. Тарелка стояла не слева от солонки, а справа. Деревянная лопатка лежала параллельно краю стола, хотя Регина всегда бросала ее перпендикулярно. Мелочи. Суший вздор, игра расшалившегося подсознания или банальная лунатизм. Она могла встать ночью, чтобы попить воды, и машинально переложить вещи.

Но когда она открыла кран, оттуда потекла вода цвета разбавленного марганцовочного раствора. Густо-розовая, пахнувшая железом и чем-то сладковатым, похожим на перезрелую вишню.

— Этого не может быть, — вслух сказала Регина своему отражению в темном окне. — В Москве розовая вода бывает только в день ВДВ, и то исключительно из носа.

Она закрыла кран. Открыла снова. Вода текла прозрачная, хлорированная, скучная. Розовое видение длилось ровно три секунды.

Регина оперлась ледяными руками о столешницу. Если мир сошел с ума, нужно искать точку опоры. Ту самую константу, которую нельзя подделать.

Ее взгляд упал на подоконник. Чернильное перо Ивана Карловича Штольца исчезло. Вместо него там лежал обычный граненый стакан, на треть наполненный мутной водой, где плавали чаинки.

Регина медленно подошла ближе. Она точно помнила: перед сном она спрятала перо в жестяную коробку из-под леденцов и убрала ее на верхнюю полку антресоли над холодильником. Чтобы не искушало. Чтобы пальцы сами не тянулись писать истину посреди ночи.

Она осторожно коснулась стакана. Стекло было холодным, запотевшим изнутри. Обычная физика. Но едва подушечка пальца оказалась в миллиметре от края, пространство вокруг

дрогнуло, словно изображение на старом телевизоре при плохом сигнале. Граненая ножка стакана пошла рябью. Мутная вода на секунду стала густым, иссиня-черным золотом, в котором вспыхивали созвездия. И вот уже вместо стакана на подоконнике лежит оно. Тяжелое металлическое перо. На его острие дрожит капля чернил, которые светятся в утреннем полумраке фиолетовым.

Как только Регина осознала что видит, иллюзия рухнула. Стакан с чайниками вернулся на место. Но память осталась.

Иван Карлович говорил ей тогда, в душном ташкентском кабинете девяносто шестого года, протягивая этот артефакт: — Люди живут во сне, Региночка. Они смотрят на стену пещеры и думают, что видят реальность. Большинство так и умирают, считая тени реальностью. Но есть предметы... катализаторы. Они работают как дефибриллятор для сознания. Пока ты пишешь этим пером, твой мозг отказывается принимать ложные синапсы. Ты будешь видеть матрицу кода. Помнить истинное положение вещей. Но будь осторожна. Тот, кто начинает отличать сон от яви, становится видимым для тех, кто этот сон населяет.

Тогда она посмеялась над старым чудаком, любителем Блаватской и запрещенного Кастанеды. Теперь шутки закончились.

Регина взяла перо. Металл обжег кожу приятным, бодрящим холодом. Она прошла в комнату, включила телевизор. Старенький «Рубин» прогрелся долго, экран сначала покрылся мелкой сеткой помех, а затем выдал заставку новостей Первого канала. Дикторша с идеальной укладкой рассказывала об открытии новой ветки метро.

— ...станция «Бабушкинская-Парк», — улыбалась дикторша, демонстрируя инфографику. — Названа в честь первого московского космонавта Василия Бабушкина, совершившего суборбитальный прыжок в одна тысяча девятьсот сорок девятом году...

Регина замеряла дыхание. Она знала историю Москвы лучше, чем таблицу умножения. Не было никакого космонавта Василия Бабушкина. Станция называлась просто «Бабушкинская», в честь полярного исследователя. И никакой «Парк» к ней никогда не лепили.

Она переключила канал. На втором шел прогноз погоды. Симпатичный мужчина в костюме указывал на карту России. — А вот здесь, уважаемые телезрители, образовался уникальный атмосферный фронт! Над Кольским полуостровом зависли идеальные геометрические облака в форме правильного октаэдра. Местные жители называют их «Небесными игральными костями». Ученые разводят руками!

Регина выключила телевизор пультом. Экран погас, но динамик еще секунду продолжал вещать тихий белый шум, прежде чем окончательно затихнуть.

Она подошла к зеркалу в прихожей. Из глубины зазеркалья на нее смотрела женщина с абсолютно белыми глазами. Зрачков не было, радужки не было — сплошное молочное бельмо. Через две секунды наваждение схлынуло. Обычные, покрасневшие от бессонницы карие глаза.

— Так, — сказала Регина своему отражению. — Спокойно. По порядку. Вариант первый: я схожу с ума. Классическая параноидальная шизофрения, отягощенная стрессом и дешевым растворимым кофе. Симптомы: визуальные и аудиальные галлюцинации, искажение воспри-

ятия пространства, бред преследования. Лечение: галоперидол, вязки, мягкая комната. Вариант второй: мир действительно ломается. И я — либо свидетель, либо причина, либо деталь механизма.

Она вернулась на кухню и заварила чай. Настоящий, крупнолистовой цейлонский, найденный на дальней полке. Сахар ложечкой в кружку. Разместить по часовой стрелке. Всё должно быть ритуально правильно, чтобы удержать крышу на месте.

Сахар никак не хотел растворяться. Кристаллы крутились в кипятке, сталкивались, издавая тонкий звон хрусталя. Регина наклонилась ниже. Внутри каждой крупинки сахара, если смотреть достаточно долго, открывался крошечный пейзаж: пустыня, по которой брели верблюды размером с молекулу.

Регина резко выдохнула, отворачиваясь. Она больше не могла доверять своим глазам. Пришлось подключать другие органы чувств.

Она сняла домашний халат и переделалась в джинсы и свитер. Натянула кроссовки. Если мир хочет играть в прятки, она пойдет гулять. Физическая нагрузка убивает психоз эффективнее таблеток. Плюс, ей нужно проверить маршрут до работы. Автобус номер 274. Остановка «Дом быта». Пять остановок. Три минуты пешком через дворы.

В подъезде пахло кошками и жареным луком. Лампочка на третьем этаже мигала с частотой сердечного приступа. Регина вызвала лифт. Кабина приехала с задержкой, двери открылись с утробным скрежетом. Внутри зеркала были залеплены старыми объявлениями. Одно из них привлекло внимание. «Продается щенок породы "Московская сумчатая". Гипоаллергенен, питается негативными эмоциями соседей».

Регина фыркнула. Юмор висельника — тоже защитная реакция. Она нажала кнопку первого этажа. Лифт дернулся и поехал вбок. Не вниз, а именно вбок, как патрон в обойме. Сквозь щели между дверями замелькал не бетон лестничной клетки, а бесконечный ряд одинаковых металлических шкафчиков, уходящий в темноту. Пахнуло сыростью метрополитена.

Поездка длилась секунд десять. Затем резкий толчок, и кабина встала нормально. Двери разъехались. Первый этаж. Улица. Никаких шкафчиков. Только лужи и вороны.

«Отлично, Регина, — подумала она, выходя в промозглое утро. — Лифты пространственно-временные теперь. Главное — не подавать виду, что тебя это удивляет, иначе санитары заберут прямо отсюда».

Автобус подошел вовремя. Пустой. Водитель — седой мужчина с лицом, состоящим из одних вертикальных морщин, — посмотрел на нее пустыми глазницами. Глаз у него не было, только глубокие провалы, затянутые тонкой белесой пленкой. Он кивнул ей, как старой знакомой.

Регина вошла, приложила карту «Тройка» к валидатору. Пик. Проезд оплачен. Она села на заднее сиденье. Кроме нее в салоне никого не было. За окном мелькали дома. Дома плыли. Их этажи менялись местами прямо на ходу: пятый этаж оказывался под первым, балконы росли корнями вверх, цепляясь за небо.

— Красота какая, правда? — раздалось над ухом.

Рядом сидел тот самый водитель. Как он прошел сквозь кабину, оставалось загадкой. Его лицо теперь было нормальным, человеческим, только кожа имела синеватый оттенок утопленника. — Вы про Москву? — осторожно спросила Регина. — Я про распад, — улыбнулся водитель, обнажая два ряда идеально ровных треугольных зубов. — Текстуры подгружаются с ошибкой. Шейдеры шалят. Скоро совсем кеш очистится, будет весело. Голый код останется.

Регина вжалась в кресло. Воздух стал густым и тяжелым, как ртуть. Ей нечем было дышать. — Мне выйти надо, — прохрипела она. — Следующая остановка. — Для вас следующая остановка — палата номер шесть, гражданочка, — ласково сказал водитель. — Или все-таки дотерпите до конечной? Там такой прекрасный котлован роют. Прямо под фундаментом вашего супермаркета. Говорят, нашли кости мамонта. А по мне — так череп древнего бога. Хрустит приятно.

Резко затормозив, автобус открыл двери. Регина выпрыгнула на асфальт, глотая воздух ртом. Автобус бибикнул на прощание издевательски мелодично и уехал. Номер маршрута на табло сменился с «274» на «666», а потом и вовсе погас.

До супермаркета оставалось идти минут пять быстрым шагом. Регина шла, крепко сжимая в кармане куртки чернильное перо. Оно жгло бедро даже сквозь плотную ткань джинсов, служа единственным маяком адекватности. Когда она держала его, оптические иллюзии отступали. Мир становился обычным, серым, пыльным московским утром. Но стоило убрать руку, как трещины в реальности проступали вновь: трещина на асфальте превращалась в разъявленную пасть, граффити на стене начинало шевелить усиками, а голуби взлетали строго квадратами.

Рабочий день прошел как в тумане. Бип-пакет-нужен-бип. Регина улыбалась покупателям той деревянной улыбкой, которой пользуются манекены. Она боялась заговорить с людьми. Боялась, что изо рта у нее посыплются мертвые бабочки или польется та самая розовая вода. Перо она сунула в карман фартука. Администрация магазина запрещала носить личные вещи за кассой, но сегодня охранник — огромный детина с перебитым носом, чья шея состояла из одного сплошного пульсирующего кадыка — лишь подмигнул ей тремя разными глазами и отвернулся.

Вечером, пересчитывая выручку, она обнаружила в ящике кассы вместо пяти тысячных купюр сушеные листья клена, сложенные веером. Каждая прожилка на листе складывалась в цифры точной суммы недостачи — ста сорока семи рублей тридцати копеек.

Когда смена наконец закончилась, ноги сами понесли ее не домой, а в сторону старого района, туда, где стояли пятиэтажки под снос. Ей нужен был Иван Карлович. Вернее, его могила. Ей нужно было подтверждение, что учитель существовал в этой версии реальности. Что перо — не плод ее больного воображения.

Кладбище встретило ее запахом прелой листвы и тишиной. Октябрь вступил в свои права внезапно, за один час покрыв землю желтым ковром. Регина нашла участок легко, будто кто-то невидимый зажигал свечки вдоль тропинки. Могила учителя была ухоженной. Кто-то недавно положил свежие астры. Дата смерти совпадала. Портрет на эмали смотрел на нее с легкой хитринкой, присущей Ивану Карловичу при жизни.

— Ну привет, старый черт, — пробормотала Регина, садясь на скамейку рядом. — Накаркал ты мне. Матрица, шейдеры, распад текстур. Что дальше? Меня сожрет Чужой в ванной?

Она достала перо. В сгущающихся сумерках оно светилося ярче. Идеальный инструмент для письма. Но бумаги не было.

Взгляд Регины упал на гранитный памятник. Она огляделась. Никого. Луна вышла из-за туч, заливая кладбище мертвенно-бледным светом.

Идея была безумной. Абсолютно сумасшедшей. Но разве всё происходящее не было безумием?

Регина макнула перо в лужицу дождевой воды, скопившуюся в углублении буквы «Ш» на фамилии Штольц. Подошла вплотную к черному граниту. И начала выводить слова прямо на камне. Чернила из лужи оставляли на полированном граните сияющий след, который не впитывался и не высыхал.

Если ты слышишь меня, Иваныч, ответь. Я вижу тени. Мир плывет. Я пишу это, чтобы помнить, кто я.

Буквы вспыхнули напоследок ярко-синим пламенем и втянулись внутрь камня, исчезнув.

Ничего не произошло. Ветер гудел в верхушках старых тополей. Где-то далеко кричала электричка.

— Понятно, — вздохнула Регина. — Разговор с памятниками отменяется. Диагноз подтвержден. Шизофрения.

Она развернулась, чтобы уйти, и наткнулась на человека.

Он стоял так близко, что Регина почувствовала запах дорогого стирального порошка и чего-то электрического, озонового. Мужчина был высоким, одетым в странный комбинезон из материала, напоминающего фольгу, но мягкую, как трикотаж. При каждом движении складки одежды ловили лунный свет и отбрасывали его обратно, ослепляя. Казалось, он соткан из жидкого зеркала.

— Осторожнее, дамочка, — хрипло сказал спаситель. Голос у него был прокуренный, совершенно земной, контрастирующий с инопланетным обликом. — Тут ступенька. Расшибе-тесь же.

Регина опустила взгляд. Действительно, небольшой бордюр, которого она не заметила.

— Вы... вы меня видите? — вырвалось у нее. Мужчина усмехнулся, показав стальные зубы слева. — Видеть — громко сказано. Скорее, фиксирую аномальное возмущение поля. От тебя фонит, как от ядерного реактора на минималках. Всякая дрянь так и липнет.

И действительно, Регина только сейчас заметила, что за спиной мужчины клубятся те самые тени. Плотные, жирные, похожие на мазут. Они пытались обойти его со спины, тянули

черные щупальца к Регине, но соприкасаясь с его одеждой, они шипели и испарялись облачками сизого дыма.

— Держи, — мужчина, не глядя, сунул ей в руки тяжелый предмет, завернутый в бархат. — И это. Следом в ее ладонь лег маленький клочок бумаги. — У тебя сорок дней. Потом окно закроется. Канал откроется в Гизе. Большая пирамида. Если хочешь жить, а не стать мебелью для этих ребят, — он кивнул на копошащиеся тени, — уезжай. Захар велел передать.

Имя мужа ударило под дых сильнее, чем кулак. Захар. Пропавший без вести. — Кто вы? — просипела Регина. — Консьерж, — пожал плечами мужчина. — Слежу, чтобы гости не мусорили в парадной. Всё, бывай. Время вышло.

Он шагнул назад, прямо в особенно густую тень от старого дуба. Та приняла его, сомкнулась, и мужчина исчез. Растворился в ночном воздухе кладбища, оставив после себя лишь слабый запах озона и жженных проводов.

Регина стояла, прижимая к груди сверток и бумажку. Сердце билось где-то в горле. Она развернула записку. Клочок был вырван из обычного блокнота в клетку. Почерк. Этот крупный, летящий почерк с сильным нажимом она узнала бы из миллиона.

Реги. Прости, что не смог позвонить. У меня отобрали телефон. Жди знака. Тебе нужно к самой большой пирамиде. Через сорок дней откроется проход. Забери кристалл у Мужика-в-Одежде. Не бойся теней, они твои должники. Люблю. Твой Захар.

Регина перечитала записку трижды. Буквы не таяли. Бумага была теплой. Слезы, которых она не чувствовала полтора десятка лет, обожгли щеки. Горе, страх, надежда и абсолютное, звенящее безумие смешались в дикий коктейль.

Она развернула бархатный сверток. Внутри, удобно улегшись в выемку ткани, лежал кристалл. Размером с куриное яйцо, неправильной формы, глубокого фиолетового цвета. Если смотреть на него долго, внутри начинала вращаться миниатюрная спиральная галактика.

Регина сжала кристалл в кулаке. Камень пульсировал в такт ее сердцебиению.

Тени вокруг могилы, которые раньше пугали ее до мокрых штанов, вдруг изменили поведение. Самая смелая из них выползла на дорожку, свернулась клубочком у ее ног, словно кошка, и тихо заурчала. Звук был похож на работу старого холодильника.

Другая тень поднялась по штанине, устроилась на плече и зашептала прямо в ухо тысячью голосов сухих листьев: — Госпожа... Мы ждали тебя, госпожа... Ты пришла очистить наш сон...

Регина вскрикнула, стряхивая ее. Кристалл в руке вспыхнул, испуская импульс холодного света. Тень на плече зашипела, скукожилась и рассыпалась черной пылью.

Она посмотрела на свою квартиру отсюда, с холма кладбища. Окна горели тусклым желтым светом. Там ждал пустой холодильник, розовая вода и лифты, едущие вбок. Там ее ждал «День сурка», который превратился в персональный филиал ада Данте.

Сорок дней. Египет. Пирамиды. Захар жив. Эти мысли били в голову набатом. Логика махала белым флагом и уползала в угол умирать.

Регина глубоко вдохнула холодный октябрьский воздух. Запах прелых листьев больше не казался грустным. Он пах свободой. Опасной, смердящей серой и озоном, но свободой.

— Хорошо, — сказала она в ночь. — Допустим, я верю. Допустим, я сошла с ума коллективно, вместе с вами всеми. Но если уж ехать в Египет, то делать это надо стильно.

Она спустилась с холма, пряча кристалл во внутренний карман куртки, а записку — в бюстгальтер, поближе к сердцу. Завтра она позвонит на работу и скажет, что увольняется. Послезавтра пойдет в банк снимать сбережения. А потом начнет собирать рюкзак.

Впервые за пятнадцать лет планируя завтрашний день, Регина Вильданова поймала себя на том, что улыбается. Безумной, широкой, почти счастливой улыбкой человека, которому поставили смертельный диагноз, но попутно вручили выигрышный лотерейный билет.

Мир рушился. А значит, пора было строить свой собственный.

Глава 3. Тени за спиной

Москва умеет переваривать своих жителей. Она делает это медленно, слой за слоем: сначала стирает индивидуальность, превращая тебя в номер СНИЛС и штрихкод на бедре, затем вытягивает цвет из радужки глаз, заменяя его на вечную серость ноябрьского неба, а под конец растворяет саму память о том, что ты когда-то был живым. Регина Вильданова чувствовала, как процесс ее переваривания вошел в финальную стадию — стадию апатичного бульона.

Но после событий на кладбище этот бульон начал закипать.

Следующие три дня она провела в режиме строгой экономии ресурсов. На работу не пошла, сославшись на «семейные обстоятельства» по телефону. Начальница смены, женщина с голосом ржавой пилы, пообещала уволить по статье, но Регине было плевать. Увольнение казалось таким же абсурдным, как розовая вода или говорящие лифты. Как можно уволить деталь механизма? Механизм просто сломается без нее, вот и всё.

Она сидела дома. Закрыла окна. Задернула шторы. Выключила телевизор, радио и даже вырвала из стены шнур стационарного телефона, потому что из трубки начали доноситься звуки подводного мира — щелчки креветок и низкий гул китов.

Регина пыталась выстроить логическую цепочку. Пункт А: Я схожу с ума. Это объясняет перо, Захара из могилы и Мужика-в-Одежде (как она мысленно окрестила спасителя). Галоперидол, вязки, клиника неврозов имени Соловьева. Пункт Б: Мир сошел с ума. Это объясняет то же самое, но оставляет шанс выжить. Требуется наличия оружия, плана эвакуации и отсутствия паники.

Проблема была в том, что паника имела физическое воплощение. И оно жило у нее в квартире.

Тени появились на вторую ночь добровольного заточения.

Сначала они были просто темнее обычного. В углах комнаты скапливалась густая, маслянистая чернота, которая не рассеивалась от света ночника. Регина лежала на диване, укрывшись с головой двумя одеялами, и дышала спертým воздухом собственной панической атаки.

— Если я их не вижу, их нет, — шептала она детскую мантру. — Если я их не вижу...

В ответ из-под кровати раздался звук. Не скрежет когтей из дешевых хорроров, а мягкий, влажный шелест, словно кто-то протаскивал через узкую трубу мокрую резиновую перчатку, наполненную песком.

Регина высунула нос из-под одеяла. Ночник заливал комнату тусклым оранжевым светом. Воздух над полом дрожал от жара батарей. Но тени... тени жили своей жизнью. Они отделились от плинтусов. Две продолговатые кляксы, высотой около метра, похожие на пролитую смолу, вставшую вертикально. У них не было конечностей, лиц или формы. Только абсолютная, всасывающая свет чернота.

Они не бросились на нее. О нет, это было бы слишком кинематографично. Они вели себя как любопытные, но бестактные гости. Одна тень подплыла к книжной полке и начала «обнюхивать» корешки старых исторических монографий. Вторая зависла над фотографией в рамке — той самой, где Регина и Захар смеются на фоне Иссык-Куля.

Тень коснулась стекла. Фотография мгновенно выцвела. Краска осыпалась пылью прямо на ковер, оставив лишь желто-коричневый прямоугольник картона. Захар исчез первым. Затем начала бледнеть сама Регина на снимке.

— Эй! — голос сорвался на сип. — Положи на место.

Тень замерла. Медленно, издевательски медленно повернула свой бесформенный «корпус» к ней. Внутри черной массы вспыхнули два глаза. Не красные, не желтые — цвета антрацита, блестящего на изломе. И эти глаза смотрели на нее с невыразимой, древней скукой.

Тень двинулась к дивану. Она не ползла — она перетекала по воздуху, оставляя за собой след холодного озона и запах гниющих водорослей.

Регина попыталась отползти назад, упираясь лопатками в спинку дивана. Позвоночник впился в дерево. Дальше отступить некуда.

— Пошла вон, — прошипела она, пытаясь вложить в слова всю ту ярость, которую копила пятнадцать лет на кассе супермаркета. — Это моя квартира. Мой счет за ЖКХ. Мое одиночество! Проваливай!

Тень остановилась в полуметре от края дивана. Глаза моргнули. А потом существо начало меняться. Черная масса внизу забурилась, вытягиваясь в острые, зазубренные лезвия, похожие на зубы глубоководной рыбы. Верхняя часть сплюснулась, формируя воронку.

Оно хотело выпить ее. Втянуть во мглу, как пылесос втягивает пыль из старого ковра.

Воздух вокруг дивана стал ледяным. Дыхание Регины превратилось в густой пар. Она почувствовала, как невидимая сила тянет ее вперед, вверх, отрывая от продавленного поролона. Это не было гравитацией — это было отрицанием ее права занимать это пространство. Пространство принадлежало тьме.

— Иван Карлович, сукин ты сын, где твое чертово перо?! — взвизгнула Регина, шаря рукой по дивану.

Перо выпало из-за подушки. Металл обжег пальцы холодом, возвращая фокусировку. Регина выставила руку вперед, сжимая древко, как распятие перед вампиром.

Фиолетовое свечение ударило из острия широким лучом. Оно не было горячим — оно было настоящим. Свет резонировал с материей. Тень взвыла. Звук был беззвучным, он вибрировал прямо в костях черепа Регины, грозя расколоть его, как яичную скорлупу. Существо дернулось, его «зубастая» нижняя часть оплыла, теряя форму. Оно рванулось назад, проломив стену книжного шкафа, и втянулось в трещину между стеной и потолком, которая тут же затянулась штукатуркой.

Второй осталась только лужица черного дегтя на паркете, пахнувшая страхом и канализацией.

Регина тяжело дыша, села. Руки ходили ходуном. Перо пульсировало в ладони, успокаивая, напоминая: «Я здесь. Ты помнишь истину». — Помню, — выдохнула она. — Помню, что хотела тихую смерть в деревне. Кажется, вселенная решила устроить мне веселые похороны.

Она встала, чтобы взять тряпку и убрать черное пятно с пола. Как только она наклонилась, входная дверь содрогнулась от удара.

Не звонка. Не вежливого стука кулаком. От тяжелого, глухого удара чем-то массивным, пришедшегося ровно в область замка. Дерево треснуло.

— Мосгаз! Откройте! — проревел из подъезда утробный бас, в котором человеческим был только сам факт использования связок.

Регина метнулась в коридор. Замок держался на одном честном слове и тонком язычке бронзы. Она включила свет в прихожей. Лампочка под потолком лопнула с хлопком, засыпав ее осколками. Стало темно, только из глазка лился мертвенно-бледный свет лестничной клетки.

Снова удар. Дверь прогнулась внутрь сантиметра на три. Косяк посыпался трухой.

— Мы чуем кристалл, — прохрипели снаружи. Голос теперь звучал ближе, словно рот говорившего прижали прямо к замочной скважине. — Отдай камень, Старшая. Тебе он все равно ни к чему. А нам нужно заделать течь.

Регина огляделась в поисках чего-нибудь тяжелого. Зонт-трость. Нет, слишком легкий. Утюг. Шнур короткий. Взгляд упал на стойку для обуви. Среди кроссовок и зимних сапог стояла чугунная пепельница в виде жабы — подарок коллег на сорокалетие, который она собиралась выбросить последние пять лет.

Она схватила жабу. Холодный, тяжелый, надежный чугун. Отличный аргумент в диалоге с представителями коммунальных служб из ада.

Третий удар едва не вынес дверь вместе с куском стены. Регина перехватила пепельницу поудобнее, готовясь встретить гостя ударом точно в центр лба, если там вообще есть лоб.

И тут дверь открылась. Сама. Без скрипа. Просто отошла внутрь, хотя замок так и остался закрытым.

На пороге стоял Он. Тот самый Мужик-в-Одежде.

Его отражающий комбинезон сегодня выглядел иначе. Он больше не походил на фольгу. Теперь это была текучая ртуть, принимающая форму человеческого тела. При каждом вдохе незнакомца по ткани пробегали волны интерференции, искажая пропорции. Казалось, внутри костюма пустота, обтянутая живой зеркальной пленкой.

Он молча шагнул через порог. За его спиной клубились те самые тени из квартиры, но сейчас они боялись переступить границу дверного проема. Они бились о невидимую преграду, скулили и царапали воздух.

Незнакомец окинул взглядом разгромленную прихожую, разбитую лампочку, пепельницу-жабу в руках Регины. Уголок его губ дрогнул в подобии усмешки. — Эк тебя приложило, — хрипло констатировал он. Голос был прокуренным, севшим, абсолютно земным. Таким обычно разговаривают старые таксисты или философы-дальнобойщики. — Сразу в рукопашную лезешь. Одобряю. Хотя против Гончих зонтик полезнее будет. Им зонтики нравятся. Эстеты, мать их.

Он прошел мимо нее вглубь квартиры, игнорируя правила личного пространства так уверенно, будто платил ипотеку именно за эту жилплощадь. Подошел к тому месту, где на паркете еще виднелись разводы от тени. Достал из нагрудного кармана плоскую фляжку, открыл крышку и плеснул содержимое на пол. Жидкость зашипела, испаряясь с запахом озона и жженных волос. Пятно исчезло.

— Значит так, девочка, — сказал он, поворачиваясь к Регине. Его лицо было обычным, славянским, ничем не примечательным, если бы не полное отсутствие возраста. Ему могло быть и тридцать, и шестьдесят. — Времени на сопلي у нас нет. Твари проснулись раньше графика. Эта мелочь, что тебя пугала — щенки. Скоро придут взрослые кобели. Они не будут стоять в углу и портить обои. Они сожрут твою душу быстрее, чем ты успеешь сказать «мама».

Регина опустила пепельницу. Руки онемели от напряжения. — Кто вы? — Консьерж, — повторил он свое определение с прошлой встречи. — Или смотритель шлюза. Называй как хочешь. Моя работа — следить, чтобы такие, как ты, случайно не захлебнулись в отходах мироздания, пока ищете выход.

Он пошарил рукой за пазухой. Движения были ленивыми, небрежными, но Регина видела, как напрягаются мышцы под отражающей тканью. Он был готов в любую секунду либо дать деру, либо разорвать кого-то голыми руками.

Консьерж извлек два предмета. Первый он бросил ей. Регина поймала его чисто машинально. Кристалл. То самое фиолетовое яйцо. Сейчас он был теплым, почти горячим, и мелко вибрировал, как работающий трансформатор.

— Держи свою погремушку, — буркнул мужчина. — Не потеряй. Это твой билет на трамвай. И единственное, что заставляет этих ребят держаться на расстоянии вытянутой руки. Работает на частоте первородного ужаса. Они думают, что ты одна из Древних. Не разубеждай их, целее будешь.

Второй предмет он не отдал в руки. Он просто прижал сложенный вчетверо тетрадный лист к груди Регины. Лист был старым, пожелтевшим, в клеточку.

— Читай быстро, — приказал Консьерж. — И запоминай. Я повторять не буду. Через сорок дней Полынь-окно откроется над Гизой. Большая пирамида станет громоотводом. Если хочешь остаться человеком, а не набором астральной пыли, ты должна быть там. Ровно в полночь местного времени. Канал пробьет насквозь. Шагнешь туда — может, выживешь. Промедлишь — станешь мебелью. Эти ребята любят собирать коллекции из крикливых баб.

— Почему я? — прошептала Регина, глядя то на кристалл, то на листок. — Я никто. Кассирша. Разведенка. Я даже диплом не дописала!

— А почему крыса выживает после ядерного взрыва? — пожал плечами Консьерж. — Потому что она никому не интересна, пока не начнет грызть провода. Ты жила вне системы так долго, что система забыла внести тебя в реестр утилизации. Повезло. Пользуйся.

Он развернулся к двери. Тени в подъезде зашипели громче, почуввав, что защита уходит. — Погоди, — Регина схватила его за рукав. Ткань костюма обожгла пальцы холодом вакуума. — Что стало с Захаром? Где он?

Консьерж обернулся. Впервые в его глазах промелькнуло нечто похожее на сочувствие. Или на изжогу. — Твой муж сделал самую большую глупость в своей жизни, детка. Он попытался договориться с Архитектором напрямую. Без пропуска. Теперь он часть пейзажа. Иногда он может дотянуться до эфира. Писать записки, например. Цени. Обычно оттуда писем не шлют. Там абонент недоступен навсегда.

Он аккуратно, но непреодолимо снял ее пальцы со своего рукава. — Сорок дней, Регина. Тик-так.

Дверь за ним захлопнулась. Щелчок замка прозвучал как выстрел.

Регина осталась одна. В темноте. С фиолетовым камнем, греющим ладонь, и бумажкой, которая казалась тяжелее свинца.

Прошла минута. Две. Из гостиной не доносилось никаких звуков. Тени ушли вслед за своим хозяином. Квартира снова стала обычной запущенной берлогой одинокой женщины. Только воздух пах озоном еще несколько часов.

Ноги подкосились. Регина сползла по стене прямо на пол в прихожей, пачкая халат побелкой. Она поднесла листок к глазам. Руки дрожали так сильно, что строчки прыгали.

Бумага действительно была старой, из школьных тетрадей девяностых годов. Развернув ее, она увидела знакомый крупный почерк. Почерк человека, который привык держать в руках штурвал трактора или тяжелый гаечный ключ, а не изящную ручку.

Буквы чуть смазались, кое-где бумага пропиталась чем-то темным, похожим на засохшую кровь или масло.

Реги.

У нее перехватило дыхание. Так называл ее только он. Никто за пятнадцать лет не обращался к ней так.

Если ты читаешь это, значит, Старый Хрыч (прости, знаю, ты его не любишь) нашел тебя. Не ори и не зови дурку. Я реален. Ну, настолько, насколько реальны мы все сейчас. Меня здорово потрепало, поэтому пишу коротко, пока меня не стер бдительный администратор этого сектора.

Слушай внимательно. Забудь про деревню, забудь про книгу. Твоя писанина подождет вечность, если ты умрешь. А ты умрешь, причем очень неприятно, если останешься сидеть в Бибирево. Я видел, как они едят таких, как мы. Это долго. Очень долго.

У тебя есть вещь. Камень. Кристалл сингулярности. Не выпускай его из рук. Он старый, он фонит защитой, но батарейки садятся. Подзаряжай его болью или смехом — им все равно, главное, чтобы эмоция была чистой.

Через сорок дней от момента получения этой записки пространственная ткань над плато Гиза даст слабину. Старая рана Земли. Там строили портал еще атланты, египтяне просто облицовали его известняком для красоты. Откроется канал. Широкая дверь. Куда — понятия не имею. Те, кто живет Там, называют это место «Великой Тихой Водой». Говорят, там нет энтропии. Говорят, там можно начать заново. Я не смог добраться, застрял на таможне между словами.

Тебе нужно быть у подножия Великой пирамиды. Ровно в ноль-ноль. Встань лицом на восток. Подними камень. Остальное он сделает сам.

Почему тебе? Потому что ты родилась неправильной. Помнишь тот день? 21 марта 1977 года? Ташкент. Навруз. Все праздновали весну, а акушерка сказала маме, что ты смотришь глазами столетней старухи. Ты — аномалия, Реги. Складка на скатерти бытия. Такие вещи нужны по ту сторону барьера. Ты — ключ. Или отмычка. Как повезет.

Я пытался проложить путь. Оставил знаки вдоль силовых линий. Может, встретишь других психов с камнями. Не доверяй никому, особенно тем, у кого слишком белые зубы.

Прости, что не защитил. Прости, что пропал. Я думал, ищу дорогу домой, а оказалось — искал выход для нас обоих.

Люблю тебя. Больше, чем тогда, на озере. Больше, чем позволяют законы термодинамики.

Захар.

P.S. Купи хорошие трекинговые ботинки. Египетские пески предательски горячие, а бегать придется много.

Регина дочитала постскрипtum и тихо, истерически рассмеялась. Смех рвался из нее наружу, сбивая дыхание, выдавливая слезы. Ботинки. Он заботится о ее ортопедических стельках, находясь в измерении мертвых.

Смех перешел в рыдания. Она плакала, прижимая письмо к лицу, впитывая кожей давно забытый запах его кожи — табак, машинное масло и сухой степной ветер. Пятнадцать лет она строила саркофаг вокруг своей любви, мумифицировала воспоминания, запрещала себе думать о нем иначе как о покойнике. А он оказался беглецом. Коллегой по несчастью.

Сорок дней.

Она посмотрела на календарь. Красным кружком отмечена дата платежа за квартиру. Сегодня двадцать восьмое августа. Регина достала ручку из стаканчика на тумбочке. Обычную синюю шариковую ручку. Вычеркнула «Оплата ЖКХ». И крупно, жирно написала рядом:

День 0. Получила письмо. Есть кристалл. Есть мозги. Есть ноги. Надо купить билеты.

Затем она открыла ноутбук. Тот включился подозрительно быстро, экран приветливо мигнул синим цветом, вместо привычной загрузки Windows показывая вращающуюся спираль галактики.

Регина зашла на сайт поисковика билетов. Руки перестали дрожать. Страх никуда не делся, он свернулся холодным змеем внизу живота, но поверх него легла четкая, звенящая ясность.

Египет. Каир. Прямой рейс. Эконом-класс. Цены кусались. Билеты стоили ровно столько, сколько оставалось на ее счету после оплаты всех долгов. Сбереечь деньги на черный день. Вот он, черный день. Буквально.

Она ввела данные карты. Свое имя. Viladanova Elmira. Курсор мигал над кнопкой «Оплатить».

Из угла комнаты послышалось знакомое влажное шуршание. Регина подняла голову. Тень вернулась. Но теперь она вела себя иначе. Она не пыталась стать воронкой. Она выползла на середину комнаты, сжалась в плотный шар размером с футбольный мяч, а затем медленно, уважительно поклонилась, коснувшись «носом» линолеума.

— Госпожа... — прошелестело отовсюду сразу. — Мы ждали. Мы понесем твои сумки.

Регина сглотнула. Сумасшествие приобрело черты сюрреалистического сервиса. — Еще раз назовешь госпожой, получишь тапком, — строго сказала она, стараясь сохранить остатки самообладания. — Понял? Я Регина. Можно Вера Павловна, если уважаешь классику. А теперь иди... охраняй балкон. Чтобы голуби стекло не били.

Тень пулей вылетела на балкон. Послышался звук расправляемых кожистых крыльев и недовольное карканье пролетающего мимо ворона, которого, судя по визгу, тень успешно загнала на соседнюю крышу.

Регина нажала кнопку «Оплатить». Ваш заказ подтвержден. Электронный билет упал на почту.

Она вышла на кухню, налила себе воды из чайника (слава богу, прозрачную). Выпила залпом. Посмотрела на свое отражение в темном окне. Седая прядь торчала дыбом, под глазами черные круги, губы искусаны в кровь. Прекрасный портрет путешественницы между мирами.

— Ну что, Вершинина, — сказала она своему отражению. — Добро пожаловать в жанр психологического триллера с элементами хоррора. Главное, не забыть солнцезащитный крем. Говорят, по ту сторону тоже бывает ультрафиолет.

Она спрятала письмо Захара в сейф. В единственный настоящий сейф, который у нее был — старую жестяную коробку из-под датского печенья, где лежали свидетельства о рождении, пенсионное удостоверение и единственная совместная фотография с мужем.

Кристалл она повесила на шею, продев сквозь ушко камня черный шнурок от старых армейских жетонов, валявшихся в ящике стола. Теперь фиолетовое сердце билось в ложбинке между ключицами, теплое и надежное.

Оставшиеся тридцать девять дней обещали быть насыщенными. Нужно было закрыть счета, написать заявление на увольнение (можно отправить почтой, пусть подавятся), купить те самые трекинговые ботинки размера тридцать восемь с половиной, и выяснить, нужна ли виза в Египет, если планируешь эмигрировать в другую реальность через главный исторический аттракцион планеты.

Регина прошла в спальню. Упала на кровать, не раздеваясь. Сон накатывал тяжелой волной. Организм, получивший дозу адреналина, равную годовой норме, требовал перезагрузки.

Сквозь дрему она чувствовала, как по стенам скользят тени. Они больше не прятались. Они патрулировали периметр. Самые смелые устроились в изголовье кровати, сплетаясь в причудливый узор, напоминающий египетский папирус. Одна из теней осторожно, кончиком своей дымчатой субстанции поправила съехавшее с ног Регины одеяло.

— Спите, госпожа, — прошелестел многоголосый хор. — Мы присмотрим. До Гизы далеко. Нам велено доставить вас в сохранности. Приказ мужа.

Регина улыбнулась уголком рта и провалилась в сон без сновидений. Впервые за пятнадцать лет ей не снились бесконечные очереди покупателей и плакающий сканер. Ей снилось бескрайнее ночное небо пустыни, и она знала, что завтра начнет собираться в дорогу.

Глава 4. Раздумья и угрозы

Семь дней — это ровно сто шестьдесят восемь часов. Или десять тысяч восемьдесят минут. Регина Вильданова знала эту цифру с пугающей точностью, потому что каждый этот день она провела в состоянии квантовой суперпозиции: одновременно мертва от страха и жива от пробудившейся надежды.

Квартира превратилась в лабораторию безумного ученого. На кухонном столе, среди хлебных крошек, лежала распечатанная топографическая карта Египта, купленная по дешевке в переходе метро. Фиолетовый кристалл покоился в центре Каира на карте, придавленный солонкой, чтобы не улетел со сквозняком. Чернильное перо Ивана Карловича стояло в стакане, хотя чернила ему были не нужны — оно питалось энтропией самой реальности.

Первые три дня Регина пыталась себя обмануть. Это профессиональное заболевание касиров: умение делать вид, что всё идет по плану, даже когда покупатель пытается расплатиться дохлой вороной или натальной картой.

День первый. «Это розыгрыш». Она внимательно изучила записку Захара под лупой. Бумага старая, но такие тетради еще можно найти на антресолях. Почерк? Она помнила его руку. Этот резкий наклон вправо, характерный нажим, букву «д», похожую на недорисованный домик. Подделать такое невозможно, если только Консьерж не был мастером графологии мирового уровня. Но зачем? Ради квартиры в Бибирево? Смешно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.